

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-7-2.22>

Казакова Тамара Анатольевна, Ачкасов Андрей Валентинович

ИНСТРУМЕНТЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ПЕРЕВОДА

В статье анализируется актуальное понятие лингвистической экспертизы перевода и определяется ее место в лингвистической экспертологии. Принципиально новым подходом к данной проблеме является обоснование отличия экспертного заключения от обычной оценки качества перевода. В связи с этим затрагиваются современные концепции эквивалентности, типы и способы определения переводческих ошибок в корреляции с целями экспертного заключения. Предпринимается попытка систематизации языковых (межъязыковое соответствие, направленная эквивалентность, языковые нормы и т.д.), коммуникативно-психологических (коммуникативное намерение, переводческое творчество, эмотивно-оценочная установка, реакция получателя), информационных (глубина текста, статическая и динамическая информация и т.д.) и логических (мнение, суждение, утверждение) инструментов лингвистической экспертизы перевода. Предварительные выводы на основе проведенного исследования могут способствовать повышению эффективности судебной лингвистической экспертизы перевода, а также оказаться полезными в процессе подготовки переводчиков к экспертной деятельности.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/7-2/22.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 7(85). Ч. 2. С. 325-328. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/7-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 81'25

Дата поступления рукописи: 20.04.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-7-2.22>

В статье анализируется актуальное понятие лингвистической экспертизы перевода и определяется ее место в лингвистической экспертологии. Принципиально новым подходом к данной проблеме является обоснование отличия экспертного заключения от обычной оценки качества перевода. В связи с этим затрагиваются современные концепции эквивалентности, типы и способы определения переводческих ошибок в корреляции с целями экспертного заключения. Предпринимается попытка систематизации языковых (межъязыковое соответствие, направленная эквивалентность, языковые нормы и т.д.), коммуникативно-психологических (коммуникативное намерение, переводческое творчество, эмотивно-оценочная установка, реакция получателя), информационных (глубина текста, статическая и динамическая информация и т.д.) и логических (мнение, суждение, утверждение) инструментов лингвистической экспертизы перевода. Предварительные выводы на основе проведенного исследования могут способствовать повышению эффективности судебной лингвистической экспертизы перевода, а также оказаться полезными в процессе подготовки переводчиков к экспертной деятельности.

Ключевые слова и фразы: экспертиза перевода; оценка качества перевода; коммуникативное намерение; направленная эквивалентность; информационная глубина текста; экспертное заключение.

Казакова Тамара Анатольевна, д. филол. н., профессор
Ачкасов Андрей Валентинович, д. филол. н., профессор
Санкт-Петербургский государственный университет
tatakaza@gmail.com; a_v_achkasov@mail.ru

ИНСТРУМЕНТЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ПЕРЕВОДА

Понятие лингвистической экспертизы перевода (ЛЭП) не имеет достаточно четкого определения в современной теории и практике перевода, хотя такого рода экспертиза востребована в профессионально-переводческой (переводческие бюро, агентства, отделы компаний и т.п.), литературно-издательской (издательства, газеты, журналы, различные виды СМИ), юридической (в том числе арбитражной) и иных сферах. Необходимость теоретического обоснования данного понятия обуславливает актуальность настоящего исследования.

Целью исследования является систематизация теоретических представлений и практик ЛЭП посредством решения следующих задач:

- 1) уточнить определение понятия ЛЭП как судебной лингвистической экспертизы;
- 2) разграничить понятия ЛЭП и оценки качества перевода;
- 3) описать языковые, психологические, информационные и логические инструменты ЛЭП в корреляции с различными рабочими заданиями;
- 4) выявить специфику ЛЭП в лингвистической экспертологии.

Научная новизна исследования определяется тем, что ЛЭП является принципиально новым видом лингвистической экспертизы, еще не описанным в общей теории судебных лингвистических экспертиз, или лингвистической экспертологии, в терминах К. И. Бринева [2, с. 31]. На практике в качестве лингвистов-экспертов по спорным вопросам перевода часто выступают либо случайные переводчики, не имеющие опыта экспертной деятельности, либо редакторы, либо просто лингвисты, «владеющие иностранным языком», что, безусловно, не способствует достоверности и надежности такой экспертизы.

Наше исследование не претендует на полноту и сосредоточено в основном на обосновании постановки вопроса, в частности, полезной для подготовки будущих профессионалов в данной области.

Изучаемый нами вид лингвистической экспертизы недостаточно освоен как в переводческой, так и в правовой практике: нередко в качестве экспертов по переводному тексту используются русисты, хотя и имеющие статус лингвиста-эксперта, но не имеющие опыта перевода, в результате чего вся оценка спорного переводного текста может состоять из простой посылки «данный перевод точен», и в дальнейшем анализе участвует только переводной (русский) текст, воспринимаемый как оригинал. Рассмотрим особенности ЛЭП как лингвистической экспертизы в аспекте применяемых в ней инструментов анализа.

Начнем с того, что, с нашей точки зрения, экспертиза перевода представляет собой принципиально иную процедуру, чем оценка качества перевода [6; 9; 13], которая обычно сводится к перечню переводческих ошибок и их условной классификации и в лучшем случае может рассматриваться как составная часть экспертного заключения. Объем перечня ошибок, как правило, устанавливается произвольно и зависит от целей и установок заказчика и (или) исполнителя-оценщика; к этой же категории можно отнести переводоведов, сопоставляющих переводные тексты с исходными и отмечающих различного рода расхождения между ними. Несводимость экспертной оценки перевода к перечню ошибок и даже к их условной классификации очевидна уже потому, что такие классификации в переводоведении нередко разрабатываются либо на основании аксиологического принципа (например, выделение таких категорий, как *minor*, *major* и *critical* – мелкие, значительные и критические ошибки [13, р. 12]), либо с учетом функционально-коммуникативных обстоятельств (например, инструкции клиента [8, р. 66]), либо даже вообще за пределами теоретической аргументации, в порядке частной инициативы

(например, какое-либо бюро или директорат переводов может установить в качестве критерия наличие терминологических ошибок, а издательство в качестве главного недостатка выдвигает смысловые ошибки).

Теоретическими инструментами в таких случаях, как правило, служат условно интерпретируемые понятия «межъязыкового соответствия» или «эквивалентности», хотя в современной теории перевода эти понятия в лучшем случае оспариваются или вообще отвергаются на основе значительного расхождения в подходах и разбросе мнений. Вот лишь несколько примеров. М. Бейкер выделяет несколько разных «эквивалентностей» – от морфологической до прагматической [7, р. 76]. М. Снелл-Хорнби считает, что понятия «эквивалентность», «адекватность» и «норма» субъективны и обусловлены узко понимаемым лингвистическим подходом [11, р. 321]. Э. Пим оценивает эквивалентность и соответствие как иллюзию, в которую мы верим, даже не имея лингвистических доказательств: “Equivalence, for me, is an efficient social illusion... we believe in these things even when there is no linguistic certainty behind equivalence” [10, р. 159]. / «По моему мнению, эквивалентность – это выгодное заблуждение... мы верим в него, даже если оно лингвистически недостоверно».

Практическим лингвистическим инструментом может служить т.н. обратный перевод, когда доказательством приемлемости переводного текста является его абсолютная переводимость на исходный язык, то есть полное совпадение с оригиналом в результате обратного перевода, выполненного независимым переводчиком. При всей абсурдности такого способа доказательства правильности или неправильности перевода этот инструмент получил достаточно широкое распространение на практике и особенно поддерживается заказчиками, весьма далекими от представлений о переводе и тем более о межъязыковой асимметрии. Между тем фактор асимметрии рассматривается в переводоведении как решающий в вопросе установления статуса соответствий. В частности, Э. Пим вводит продуктивное понятие «направленной эквивалентности» (*directional equivalence*), которая, с учетом межъязыковой асимметрии, может выражаться в использовании таких соответствий, которые не поддаются однозначному обратному переводу [Ibidem, р. 25-26]. В отличие от эквивалентности в традиционной теории перевода, направленная эквивалентность не является абстрактным понятием и используется именно как практический инструмент для описания случаев вариативной подстановки в условиях неравных соответствий; как правило, такое отношение наблюдается при переводе безэквивалентной или слабоэквивалентной лексики (например, реалий, имен собственных или индивидуальной терминологии). Соотнесенность любых таких решений с оригиналом не подтверждается теоретически, но принимается как данность.

Другим практическим инструментом оценки качества перевода считается соответствие указаниям заказчика, согласно которым переводчик волен либо обязан сокращать, перерабатывать, улучшать способ выражения в переводном тексте относительно исходного в зависимости от заданных клиентом условий применения переводного текста, то есть от рабочего задания (*instructions/specifications*, в терминах Д. Гуадека) [8, р. 44]. В подобном случае произвольность критериев становится принципом, и сама оценка практически не зависит от традиционного сопоставления межъязыковых соответствий, а достижение требуемого результата определяется тем, отвечает ли переводной текст задачам, обозначенным заказчиком. Например, в издательском пространстве заказ на перевод художественного произведения может сопровождаться прямо противоположными установками издателя: обрабатывать переводной текст согласно нормам целевого языка и культуры – или максимально сохранять способ выражения «как у автора» (Л. Венути определяет эту дилемму как противостояние «доместикация» vs. «форенизация» [12, р. 22-24]). Установка на «форенизацию» переводного текста объясняется не только произвольным желанием издателя, но и сложностью ситуации с соблюдением авторского права при переводе, что уже выходит за пределы оценки качества перевода и становится объектом ЛЭП. Нам неоднократно доводилось участвовать в экспертизе художественного перевода, связанной с претензиями то литературных агентств, представлявших интересы автора оригинала, то издателя-владельца авторского права, причем претензии, как правило, заключались в расплывчатой формулировке «у автора написано не так» и сопровождалась все тем же перечнем «ошибок», в основном стилистических, то есть сдвигов, обусловленных различием речевых или культурных норм.

Такой разброс критериев вкупе с неоднородностью инструментов анализа предопределяет очевидную ограниченность в оценке качества перевода, которая ставится в зависимость либо от межъязыковых соответствий безотносительно условий создания и восприятия переводного текста, либо от частных заданий заказчика перевода. При этом оба варианта, как правило, противопоставляются друг другу или же составляют произвольную иерархию. В любом случае, оценка, основанная на применении формально-языковых критериев или рабочих заданий, оказывается ограниченной, поскольку исключает важную составляющую перевода – самого переводчика с его личным языковым и культурным опытом.

В описанных выше критериях и процедурах оценки качества перевода делается акцент на установление и классификацию языковых ошибок и отклонений, а то и вообще на постороннюю по отношению к переводу установку заказчика, но не учитывается такой важный фактор, как переводческое творчество [5, с. 40]. Иными словами, переводной текст рассматривается как самодовлеющая данность, возникающая без участия переводчика и обусловленная только межъязыковыми отношениями и волей получателя. Однако в большинстве случаев, в которых требуется независимое экспертное заключение по тем или иным компонентам переводного текста или по тексту в целом, описанные выше инструменты оказываются недостаточными и не обеспечивают адекватности ЛЭП.

Лингвистическая экспертиза перевода – новый вид экспертизы, который все чаще применяется в условиях юридических процедур, например, на предварительном рассмотрении исков, на слушаниях в гражданском, уголовном или арбитражном суде и т.п., в отличие от частной оценки качества переводного текста,

требует объективной оценки действий самого переводчика и выводов об обоснованности и последствиях принятых им решений. Такая лингвистическая оценка должна быть представлена в виде всесторонне аргументированного экспертного заключения, которое в дальнейшем может быть использовано как доказательство в решении правовых конфликтов [2, с. 24]. Соответственно, важными инструментами в таких обстоятельствах становятся коммуникативно-психологические, информационные и логические методы анализа перевода, причем не только переводного текста, но и личной позиции переводчика и процесса принятия переводческих решений, а также взаимозависимости между этими решениями и информационной структурой текста с одной стороны, и между реализацией этих решений и реакцией получателя – с другой.

В числе многочисленных методов коммуникативно-психологического анализа рассмотрим подробнее такой важный для ЛЭП инструмент, как определение коммуникативного намерения переводчика в соотношении с намерением автора исходного текста и предполагаемой реакцией получателя перевода. В связи с переводом будем рассматривать коммуникативное намерение как отраженный в переводном тексте принцип принятия переводчиком того или иного решения [1, с. 26-27]. Используя данный инструмент для экспертизы перевода, можно опираться на межъязыковые отношения и рассматривать любое отклонение от стереотипного соответствия, зафиксированного двуязычными словарями, грамматическими или стилистическими справочниками или сложившейся безусловной традицией, в двух аспектах: либо как переводческую ошибку, либо как индикатор индивидуальной переводческой установки. В нашем случае объектом внимания является именно такой индикатор. По каким признакам можно провести разграничение между переводческой ошибкой и проявлением коммуникативного намерения переводчика? Понятно, что не имеет смысла устанавливать резкую границу между ними. Переводческое решение нередко отличается смешением признаков, обусловленным произвольной интерпретацией языковых единиц в системе исходного текста или недостаточной информированностью переводчика, что ограничивает информационное взаимодействие переводчика с исходным текстом и выразительными возможностями целевого языка.

Приведем пример такого смешения. В исходном тексте встречается выражение *this is how the cold war really ends: not with a bang, but a series of petty policy disputes*, которое в переводе соответствует фразе *именно так заканчивается холодная война: не громом салюта, а чередой... мелких споров*. На первый взгляд, передача слова *bang* словами *гром салюта* не является переводческой ошибкой, поскольку в контексте *cold war – холодная война* оно может быть интерпретировано именно так, и такая интерпретация допускается словарем с учетом того, что слово **bang** в таком случае рассматривается как просторечный синоним *fireworks (salute)*. Однако данное переводческое решение лишает текст информационной глубины, обусловленной двойственной функцией слова *bang* в оригинале: с одной стороны, в исходном контексте имплицитно (и именно это передается в переводе) суждение *cold war ends with a bang – холодная война заканчивается всеобщим воодушевлением (= громом салюта)*. Однако в исходном тексте присутствует и другая импликация, обусловленная аллюзией к строкам из поэмы Элиота *The Hollow Men: This is how the world ends: not with a bang but a whimper. / Вот так кончается мир: не взрывом, а всхлипом*. В данном контексте слово *bang* ассоциируется уже не с праздничным салютом, а с ударом, взрывом (опосредовано – с *Big Bang*). Эта ассоциация отсутствует в переводе, равно как и исходная аллюзия. В результате переводной текст теряет важную информационную составляющую, становится беднее и проще по содержанию для целевой аудитории. Для нас интересно не само по себе переводческое решение, которое может показаться ошибочным (возможно, и является таковым), а то, на каком основании оно было принято переводчиком. Иными словами, можно ли найти в нем отражение коммуникативного намерения переводчика? Случайно или намеренно переводчик не передал исходную аллюзию и вместе с ней полемическую глубину исходного текста? Маловероятно, что аллюзия не была распознана, поскольку она представляет хрестоматийную цитату. Гораздо логичнее предположить, что ее опущение является не случайным, а намеренным. Точно так же опускается и слово *policy*, последовательно упрощая переводной текст относительно исходного. Поскольку это упрощение, уменьшение информационной глубины прослеживается и в других эпизодах в переводе данного текста, можно говорить о намеренной коммуникативной установке переводчика.

Помимо рассмотрения межъязыковой оправданности переводческих решений и установления их коммуникативного статуса, необходимо затронуть понятийный и логический аспекты, что выражается в различии информационного статуса таких решений. В частности, для экспертно-лингвистического заключения по переводу важными оказываются не только значения и формы языковых знаков, но и понятие информации, а также разграничение эксплицитной (выраженной в языковых знаках) и имплицитной (подразумеваемой и выводимой из текста) информации. Сам термин *информация* в экспертной практике (и в лингвистике) не имеет однозначного определения и часто приравнивается к таким понятиям, как *смысл, содержание* или *сведения*. С точки зрения А. Н. Баранова, «термины *информация* и *сведения* представляют собой квазисинонимы» [Там же, с. 25]. Это представление применимо и к таким парам, как *информация* и *смысл*, а также *информация* и *содержание*. Суть квазисинонимичности по отношению к данным парам заключается, на наш взгляд, в несовпадении степени обобщения: термин *информация*, в силу употребления его в подавляющем большинстве точных и естественных наук, представляется более отвлеченным и абстрактным, чем сопоставляемое с ним понятие *сведения* – и потому носит более объективный характер, не сопровождаясь какими-либо личными, эмоционально-оценочными ассоциациями. С другой стороны, в логике существует два различных подхода к самому понятию информации. Наиболее известен статический подход, согласно которому информация существует как независимая данность, то есть сопоставима с понятием *содержание*. Ряд ученых,

в частности, Р. Г. Пиотровский, И. Пригожин, И. Стенгерс и др., придерживаются динамического подхода, согласно которому информация возникает не статично, а континуально при взаимодействии объектов и существует лишь как момент такого взаимодействия [3, с. 10-11; 4, с. 54-55], то есть условно сопоставима с понятием *смысл*. В данном случае нас интересует не столько условность такого различения, сколько возможность применения еще одного инструмента экспертизы – интерпретации.

Понятие интерпретации (истолкования) равно применимо к самому коммуникативному намерению переводчика (переводчик интерпретирует исходный текст, составляя о нем определенное мнение), к восприятию переводного текста получателем, а также к восприятию текста экспертом, который определяет истинность или ложность принятых переводчиком решений и (или) их интерпретацию получателем. Такая цепочка истолкований требует от эксперта тщательного сопоставительного анализа как формальных, так и функциональных свойств языковых знаков в тексте с целью выявить характер корреляций.

Предварительный обзор инструментов ЛЭП позволяет сделать следующие выводы. Лингвистическая экспертиза перевода не сводима к определению языковых расхождений между исходным и переводным текстами. ЛЭП представляет собой особый вид экспертно-переводческой деятельности, необходимыми составляющими которой является, помимо оценки качества перевода, конкретизация коммуникативно-психологических характеристик переводного текста относительно исходного (проявление переводческого творчества, отражение коммуникативного намерения, выражение переводческой установки и т.п.), а также определение информационного статуса расхождений и прогнозирование вероятных состояний интерпретации переводного текста различными категориями получателей. В отличие от судебной лингвистической экспертизы только исходного текста, ЛЭП сталкивается с такими дополнительными осложнениями, как необходимость разграничить коммуникативное намерение автора оригинала и «вторичного» автора-переводчика, в том числе с учетом авторского права. В задачи ЛЭП входит также учет различных, даже противоположных реакций получателей в исходной и целевой культурах. Исследованные нами методы анализа являются эффективными инструментами общего экспертного заключения по переводу в соответствии с поставленным вопросом (вопросами) и предназначением ЛЭП и могут оказаться полезными для повышения уровня ЛЭП, а также в процессе подготовки и переподготовки переводчиков-экспертов для осуществления судебных и досудебных лингвистических экспертиз перевода.

Список источников

1. Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста: теоретические основания и практика. М.: Флинта; Наука, 2011. 592 с.
2. Бринев К. И. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза. Барнаул: АлтГПА, 2009. 252 с.
3. Пиотровский Р. Г. Лингвистическая синергетика: исходные положения, первые результаты, перспективы. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2006. 160 с.
4. Пригожин И., Стенгерс И. Время. Хаос. Квант. К решению парадокса времени. М.: Либроком, 2009. 232 с.
5. Рябцева Н. К. Прикладные проблемы переводоведения: лингвистический аспект. М.: Флинта; Наука, 2013. 224 с.
6. Сдобников В. В. Оценка качества перевода. Коммуникативно-функциональный подход. М.: Флинта; Наука, 2015. 112 с.
7. Baker M. In Other Words. A Coursebook of Translation. L. – N. Y.: Routledge; Taylor & Francis Group, 2011. 332 p.
8. Gouadec D. Translation as a Profession. Amsterdam – Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2007. 396 p.
9. House J. Translation Quality Assessment: Linguistic Description versus Social Evaluation // Meta: Translator's Journal. 2001. Vol. XLVI. № 2. P. 243-256.
10. Рум А. Exploring Translation Theories. L. – N. Y.: Routledge; Taylor & Francis Group, 2014. 255 p.
11. Snell-Hornby M. "What's in a name?". On metalinguistic confusion in Translation Studies // Target International Journal of Translation Studies, 2007. Vol. 19. № 2. P. 313-325.
12. Venuti L. The Translator's Invisibility. L. – N. Y.: Routledge; Taylor & Francis Group, 2004. 353 p.
13. Williams M. Translation Quality Assessment: An Argumentation-Centered Approach. Ottawa: University of Ottawa Press, 2004. 188 p.

TOOLS OF LINGUISTIC EXPERTISE OF TRANSLATION

Kazakova Tamara Anatol'evna, Doctor in Philology, Professor
Achkasov Andrei Valentinovich, Doctor in Philology, Professor
 Saint Petersburg University
 tamakaza@gmail.com; a_v_achkasov@mail.ru

The article analyzes the actual concept of linguistic expertise of translation and determines its place in linguistic expertology. The substantiation of the difference between the expert opinion and the usual translation quality assessment is a fundamentally new approach to this problem. In connection with this, modern concepts of equivalence, types and methods of determining translation errors in correlation with the objectives of the expert opinion are touched upon. An attempt is made to systematize linguistic (interlingual correspondence, directed equivalence, linguistic norms, etc.), communicative-psychological (communicative intention, translation creativity, emotive evaluation system, recipient's response), information (text depth, static and dynamic information, etc.) and logical (opinion, judgment, statement) tools of linguistic expertise of translation. Preliminary conclusions based on the conducted research can contribute to increasing the effectiveness of forensic linguistic expertise of translation, and also prove useful in the process of preparing translators for expert activity.

Key words and phrases: translation expertise; translation quality assessment; communicative intention; directed equivalence; information depth of text; expert opinion.